

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.003

КЕРАМИКА КУЛЬТУРНЫХ ГРУПП С СОСУДАМИ НА НОЖКАХ ИЗ ЧЕЧНИ И РСО-АЛАНИЯ. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Сергей Борисович Бурков, старший научный сотрудник, отдел археологии, Государственное бюджетное учреждение «Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0001-7324-3618>; sergeyburkov59@yandex.ru

В 1958-1966 гг. в бассейне р. Фортанга и у селения Бамут в Чечне были найдены погребения с серо-глиняной керамикой и сосудами на 4 ножках. В 1976 г. похожая керамика, но уже на 3 ножках была обнаружена в курганах у с. Дзуарикау. Их сопровождали другие находки, которые имеют аналогии в т.н. «сачхерских» древностях, а также иные артефакты, относящиеся к пережиточным формам позднего «майкопа» и северокавказской культурно-исторической общности. В последующем, в 1988-1990 гг., авторскими раскопками в окрестностях с. Ачхой-Мартан и Бамут были открыты новые захоронения с керамикой этой же серии, но без сосудов на ножках. В них присутствовали фрагменты позднемайкопских амфор «долинского» типа, украшения «сачхерского» типа и курильницы ранних форм. Вплоть до последнего времени все эти материалы привлекались в основном для построения типологических схем и установления стратиграфической позиции для курганных материалов переходного периода от ранней к средней бронзе Восточного Предкавказья. Однако детального анализа двух керамических серий произведено не было, что не позволяло доказательно определить круг возможных аналогий среди синхронных древностей региона, а также приблизиться к решению проблемы их этнокультурного происхождения. Детально проанализировав как опубликованные данные, так и материалы полевых отчетов, удалось установить, что при всем внешнем сходстве обе группы керамики заметно отличаются друг от друга. Это может говорить как о разных культурных традициях, положенных в основу их изготовления, так и свидетельствовать о первоначальной зоне формирования данной необычной формы сосудов. Исследованиями установлено, что серо-глиняная керамика из Чечни в значительной степени формировалась на основе традиций, свойственных памятникам финальной стадии эпохи ранней бронзы Дагестана. Комплексы же из РСО-Алания, содержащие «триподы», формировались при незначительном участии поздних куро-аракских керамических традиций, и более заметном – культурных групп с керамикой со шнуровым орнаментом начальной стадии эпохи средней бронзы.

Ключевые слова: эпоха бронзы, курган, погребение, трипод, сосуды на ножках, орнамент.

Для цитирования: Бурков С.Б. Керамика культурных групп с сосудами на ножках из Чечни и РСО-Алания. Общее и особенное // KAVKAZ-FORUM. 2024. Вып. 18(25). С. 48-65. DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.003

Введение

В финальную стадию эпохи ранней бронзы на территории Восточного Предкавказья происходят заметные изменения. Завершают свое развитие майкопская и куро-аракская археологические культуры, появляются новые образования – прообразы будущих культур эпохи средней бронзы. Одной из них является культурная группа погребений с сосудами на ножках. Впервые такое захоронение было обнаружено в Чечне в 1958 г. в кургане №2 Бамутского могильника [1, с. 127, с. 128, рис. 45, 1-4, 48, с. 129, 137, 138]. В дальнейшем они были найдены и в других курганах этого некрополя: 1961 г. – курган №10 погребение №2, 1965 г. – курган №3 погребения №№ 4 и 5. В 1966 г. захоронение с таким сосудом было исследовано в грунтовом могильнике, на правом берегу р. Фортанга, к востоку от с. Бамут [2, с. 67; 3]. В последующем, в 1976 г., при раскопках курганов у с. Дзуарикау в погребениях №№ 15 и 19 кургана №1, в погребении №2 кургана №2, погребении №1 кургана №6, погребении №4 кургана №7 и в 2008 г. – в погребении №6 кургана №6 так же были найдены похожие сосуды. Материалы из с. Дзуарикау из раскопок Н.А. Николаевой и В.А. Сафронова были опубликованы в 1980 г. [4, с. 22-26, 30, 33, 44, 47, 48, рис. 3, 1-6, рис. 4, 1-7, рис. 7, III, 2-11, рис. 15, 7-10]. Погребальные комплексы с этими сосудами неоднократно издавались и становились предметом исследования Р.М. Мунчаева [1, с. 127-129; 3; 5, с. 56, 57, 59, рис. 17, 1-4; 6, с. 92, рис. 26, 5, с. 94, 95, рис. 28, 2], Н.А. Николаевой [9, с. 11, 12, 26, 27; 9, с. 11, 12, 26, 27], Н.А. Николаевой и В.А. Сафронова [4, с. 20, 24, рис. 3, I, 1-6, с. 25, 26, рис. 4, I, 1-7, II, 1-5, с. 27, 29, 30, 33, рис. 7, III, 6-11, с. 44, 47, 48, рис. 15, I, 10], В.Л. Ростунова [11, с. 63-68].

Настоящая статья посвящена анализу керамики из этих захоронений. Ее целью является исследование возможных общих и особенных элементов, прежде всего, сосудов на ножках, а также других керамических форм у этих двух, безусловно, родственных культурных групп. Помимо уже опубликованных данных, нами привлекаются и материалы из полевых отчетов Северо-Кавказской археологической экспедиции (СКАЭ) [12], а также некоторые результаты авторских раскопок, произведенных в районе сс. Ачхой-Мартан и Бамут в 1988 и 1990 гг.

Основная часть

Всего к настоящему времени в Чечне известно 10 погребений, в ко-

торых было найдено 14 целых сосудов, изготовленных из серой глины с близкими характеристиками, включая структуру формовочной массы, цвет поверхностей, характер ее обработки, приемы нанесения орнамента, его формы, а также зоны расположения. Кроме этого, в курганных насыпях обнаружены отдельные сосуды: в кургане №3 у с. Бамут (раскопки СКАЭ 1965 г.) – фрагменты от 5 сосудов, включая от 2 сосудов на ножках; в насыпи кургана №14 могильника «Орджоникидзевские курганы» (авторские раскопки 1988 г.) – 1 фрагментированный сосуд, его форма (кроме дна) восстановлена. Нами дополнительно привлекаются еще 3 погребения из раскопок СКАЭ (курган №1 – 2 погребения, №3 – 1 погребение, работы 1958 г.), в которых костяки были полностью разрушены, но в них были обнаружены фрагменты серо-глиняной керамики от 3 сосудов, один из которых, судя по чертежу погребения, мог быть восстановлен. Дополнительных сведений о нем отчетные материалы не содержат, предполагаемый (по чертежу) наибольший диаметр – 15-17 см. Из авторских работ – 2 погребения с целыми сосудами (могильник «Бамутские сады», группа II курган №5 погребение №30 – 1989 г. и могильник «Самашкинские курганы», курган №1 погребение №7 – 1990 г.) и 1 – с фрагментом сосуда (Самашкинские курганы), курган №1 погребение №15 – 1990 г.). Р.М. Мунчаев в своей сводной работе 1986 г. использовал 5 захоронений с 4 сохранившимися костяками. Из них в 2 содержали лишь костные остатки (вторичные захоронения), и в 1 было найдено 2 костяка.

В публикациях Р.М. Мунчаева приведены в основном фотографии сосудов, рисунков всего три: сосуд на 4 ножках из погребения на «Минаретном поле», сосуд на 4 ножках из погребения №2 кургана №10 (работы 1961 г.) и сосуд с 1 ручкой из погребения №4 кургана №3 (работы 1965 г.) [3, с. 32, рис. 3.1-3]. Наиболее детально им даны описания сосудов из погребения №1 кургана №2 (1958 г.). По его мнению, формы всех сосудов однотипны, отличаются лишь размерами и характером орнамента. Они все обладают яйцевидной формой (формулировка Р.М. Мунчаева – С.Б.), отогнутым венчиком и узким дном, изготовлены из хорошо отмученной серой глины, обжиг слабый и неровный, в изломе – темно-серая прослойка, а на светлой внешней поверхности – темно-серые пятна. Поверхность хорошо заглажена, местами – до блеска. У сосуда №1 почти в центре верхней части ручек овального сечения, расположенных в точке наибольшего расширения корпуса, было сделано по 1 небольшому круглому углублению. Переход от плечиков к шейке довольно плавный, он отмечен лишь едва заметным уступом. Край (вероятно, венчик – С.Б.) утончен и плавно отогнут наружу. С лицевой стороны, ниже уступа, орнамент в виде зигзага. Форма сосуда №2 – почти такая же, разница в орнаменте: 4 пары симметрично

расположенных налпных концентрических кругов, между которыми находятся однотипные рельефные изображения. Судя по опубликованному фото, это налпные валики, расположенные под углом друг к другу, соединенные между собой в конструкцию в виде тупоугольного треугольника.

Сосуд №3 – на 4 ножках, украшен нарезным (вероятно – врезанным – С.Б.) зигзагообразным орнаментом, расположенным в 2 ряда. Ручки этих сосудов довольно архаичны, они по форме приближаются к полушарным. Орнамент – переживание типичной для куро-аракса рельефной спирально-концентрической орнаментации. Близкую аналогию врезанному орнаменту Р.М. Мунчаев усмотрел среди материалов Лугового поселения. Кроме того, он отмечал, что на некоторых сосудах из Сачхере имеется похожий рельефный орнамент – в виде ряда концентрических кругов, между которыми расположены рельефные спиральные узоры. По форме они могут быть сопоставлены с сосудами из Карабудахкентского могильника №2 и из Сачхере. Форма и соотношение основных частей сосудов довольно типичны для древнейшей керамики Северо-Восточного Кавказа [1, с. 127, 128, рис. 45, 1-4; 13, с. 151, рис. 4, с. 152, рис. 5, 1-2; 14, табл. XVII, 4, табл. XVII – XIX]. В обобщающей статье 1986 г. Р.М. Мунчаевым было отмечено, что эти сосуды сделаны по одной технологии, представляют один тип. У них тулово округло-яйцевидной формы, с непропорционально узким днищем и небольшим уступом в верхней части тулова, снабжены ручками – от 1 до 3. Декор и способ его нанесения различен: на одном – резной, на двух других – рельефный: сосцевидные и стреловидные налпы, и еще на одном – слегка углубленные волнистые линии. Сосудов на ножках в погребениях куро-аракской культуры нет, но они есть в алазано-беденской культуре, следующей по времени за ней. Но отдельные черты этой керамики, в особенности – ее орнаментацию, мы можем наблюдать среди образцов куро-аракса. Ей хронологически соответствует Карабудахкентский могильник №2, с керамикой которого по некоторым признакам могут быть сопоставлены сосуды из Бамута. Все сосуды из погребений бассейна р. Фортанга обладают разнообразным, в основном рельефным, орнаментом [3, с. 36, 37].

Теперь обратимся к авторским материалам. 1988 г. В насыпи кургана №14 могильника «Орджоникидзевикие курганы» найден фрагментированный сосуд (комплекс №3). Венчик слегка отвернут наружу, горловина короткая, тулово овальное, слегка раздутое в средней части, в точке наибольшего расширения – две ручки петлевидной формы, в сечении – заоваленно-подпрямоугольные. Цвет поверхности – серо-светло-коричневый, внешняя поверхность заглажена, подлощена, внутренняя – заглажена. Черепок плотный, в изломе двухслойный, двухцветный: внутренний – темно-серый, внешний – светло-серый.

1989 г. Могильник «Бамутские сады», курган №5 погребение №30. Крупный сосуд с отогнутым венчиком, его верхний край подрезан, заовален, горловина не выделена, тулово усечено-овальное, дно узкое, плоское, ровное. Две ручки псевдо-полушарного типа – на расширенном в средней части тулове, несколько ниже зоны наибольшего расширения. Цвет поверхностей – коричневый, обработка – затерты, заглажены, верхняя поверхность подлощена. Черепок в изломе темно-коричневый, плотный, примесь шамота, обжиг равномерный, прокал полный. Орнамент: в верхней части плечика – 4 орнаментальные зоны в виде тройных налепов вытянуто-овальной формы.

1990 г. Курган №1 могильника «Ассиновские курганы». Погребение №7. Сосуд №5 – крупный горшок с невыделенным венчиком и высокой горловиной усечено-конической формы. Тулово усечено-овальное, дно узкое, ровное, в средней части, в точке наибольшего расширения – 2 ручки, овальные в плане и заовалено-подпрямоугольные в сечении. Цвет поверхностей – светло-серый, темно-серый, пятнами, в изломе – темно-серый, поверхности затерты и заглажены, обжиг равномерный, прокал хороший, черепок плотный, структура – мелкопористая. Орнамент: налипной зигзагообразный валик по верху плечика.

1990 г. Курган №1 могильника «Ассиновские курганы». Погребение №15. Фрагмент стенки крупного сосуда. Найден в заполнении погребения, у дна. Цвет внешней поверхности – черно-темно-коричневый, с серыми пятнами, внутренней – темно-коричневый, с темно-серыми пятнами, излом темно-серый. Структура черепка: мелкопористая, мелкокомковатая, примеси – шамот. Тесто хорошо промешано и отмучено, обжиг равномерный, прокал неполный. Орнамент – налипной, в виде волны с острыми вершинами.

В качестве аналогии формы и составных частей больших сероглиняных сосудов из раскопок 1958 г. Р.М. Мунчаев указал крупные сосуды из Карабудахкентского могильника №2 и Сачхере [1, с. 129; 14, табл. XVII, 4, табл. XVII-XIX]. На наш взгляд, это можно применить только для одной из форм из погребения №1 1958 г. [13, рис. 5, 1, 2]. Однако наличие четко очерченного ребра между горловиной и плечиком, черный цвет поверхности, своеобразный налп в виде стилизованных рогов – т.н. «букраниев» заметно отличают дагестанский образец. Относительно триалетских форм следует заметить, что при некоторых чертах близости для ряда образцов эта керамика заметно отличается от изучаемой нами качеством выделки, обработкой поверхности, иным соотношением диаметров венчика, тулова и дна, другим типом ручек и иным их расположением на тулове (в основном – на верхней части плечиков).

Характерные черты сосудов на ножках из окрестностей сел. Бамут и Новые Аршти: тулово у образца из погребения №1 кургана №2 (1958 г.) своими общими пропорциями действительно напоминает другие экземпляры из этого захоронения. Вытянутостью формы отличается и сосуд из грунтового захоронения могильника «Минаретное поле». У образцов из раскопок 1961 и 1965 гг. тулово несколько иное – уплощенно-овальное в горизонтальной плоскости. Формы и параметры горловин и венчиков, а также ручек, их расположение на тулове похожи у всех сосудов, заметна лишь разница в орнаментах. Ножки во всех случаях – прямые, невысокие. Донные части в 2 случаях (1958 г. и «Минаретное поле») заужены, чем напоминают днища у более крупных сосудов, тогда как у двух других (1961 г. и 1965 г.) оно более округло, но без уплощения.

Какие черты сближают изучаемую нами керамику с куро-аракскими образцами? У крупных сосудов в некоторых случаях зафиксировано чуть намеченное ребро между низом горловины и верхом плечика, орнамент – в виде двойных налепных кольцевых валиков, врезанная (или налепная) зигзагообразная линия, место расположения орнамента (верхняя часть плечика), псевдо-полушарные ручки – в зоне наибольшего расширения, в одном случае – наличие округлых вдавлений на верхних частях ручек, т.н. «сосцевидные» налепы. Однако технология изготовления сосудов заметно отличается в первую очередь более низким качеством теста, недостаточным обжигом, характером обработки поверхностей, пятнами на внешней поверхности, отсутствием «розовой «подкладки». Наблюдается тенденция к уменьшению размеров дна, заметно отсутствие резкого ребра перехода между горловиной и плечиком, несколько иначе оформлены венчики. Для сосуда №4 из погребения №5 (раскопки СКАЭ 1965 г.) можно отметить немного приподнятую вверх ручку петлевидной формы, некоторую асимметрию в средней части корпуса – противоположной расположению ручки. По этому признаку, а также общей формой он обладает определенным сходством с одним из образцов из куро-аракских могильников горной зоны РСО-Алания [11, с. 146, рис. 11, 39]. Кроме того, следует обратить внимание и на некоторые образцы керамики из поселений Геметюбе-II, Мекеги и Чиркей в Дагестане, которые обладают рядом признаков, свойственных крупным двуручным сосудам из Бамута [15, с. 131, рис. 22, 20, 27, с. 142, рис. 30, 15, с. 147, рис. 35, 14].

Теперь обратимся к материалам из с. Дзуарикау. Здесь в 5 погребениях (1/19, 1/15, 2/2, 6/1, 7/4) было найдено 5 сосудов на 3 ножках, и еще один экземпляр в кургане №1 – вне погребения [4, с. 22, с. 24, рис. 3, I, 5, с. 26, рис. 4, I, 5, рис. 4, II, 4, с. 33, рис. 7, I, 7, с. 48, рис. 15, 10, с. 50, рис. 16, II, 5]. Сведений об этих сосудах немного, они присутствуют в нескольких работах Н.А.

Николаевой, В.А. Сафронова, Р.М. Мунчаева, В.Л. Ростунова и приводятся нами в обобщенном виде, как и некоторые наблюдения относительно их происхождения, сделанные этими исследователями.

Курган №1. Находка №3 в насыпи. Трипод, тип XII, имеет уплощенное дно, довольно широкое, тулово уплощенно-овальное в горизонтальной плоскости, горловина довольно широкая, верх венчика косой, край плохо профилирован, слегка отогнут наружу. На тулове – 2 петлевидные ручки в районе экватора тулова. Орнамент: прочерченный, двойная ломаная линия в виде треугольников. Описания сосуда в тексте публикации 1980 г. нет. Н.А. Николаева и В.А. Сафронов полагают, что сосуд может происходить из погребения №19, где был найден сосуд на ножках. Погребение №19. Трипод, тип XII, тулово уплощенно-овальное в горизонтальной плоскости, дно плоское, горловина усечено-коническая, венчик отвернут наружу, его край заовален, ручек нет, ножки заметно разведены в стороны. Цвет поверхностей коричневый, внешняя ангобирована, в изломе черного цвета. Погребение №15. Трипод, тип XII, дно уплощенное, ножки немного скошены вовнутрь, 2 ручки на тулове, в зоне наибольшего расширения тулова, размещены на разной высоте, тулово усечено-цилиндрическое, непропорциональное, венчик практически не выделен, горловина непропорциональная, удлиненная. Цвет поверхностей серо-желтый, в изломе черный.

Курган №2 погребение №2. Трипод, тип XII, дно уплощенное, тулово усечено-неправильно-овальное, горловина усечено-биконическая, короткая, венчик слегка отвернут наружу, не выделен, одна ручка – от верха плечика к венчику – петлевидная, довольно большая, ножки слегка подогнуты вовнутрь. Внешняя поверхность серо-коричневая, внутренняя – черно-коричневая, излом черный.

Курган №6 погребение №1. Трипод, тип XII, цвет поверхностей – серо-коричневый, дно плоское, тулово усечено-неправильно-овальное в горизонтальной плоскости, горловина усечено-коническая, венчик не выделен, прямой, ножки заметно разведены в стороны, ручек нет.

Курган №7 погребение №4. Трипод, тип XII-«а», тулово уплощенно-овальное в горизонтальной плоскости, дно уплощенное, горловина короткая, усечено-биконическая, венчик профилирован слабо, наружу, ручка – от верха плечика к верху горловины, петлевидная, большая, ножки слегка разведены в стороны. Цвет снаружи коричневый, изнутри – серо-коричневый, излом – черный.

На вопросы происхождения и культурной принадлежности данных сосудов у исследователей нет единого мнения. К тому же у Н.А. Николаевой оно, судя по всему, со временем претерпевает некоторую эволюцию. Так,

давая заключение по материалам погребения №15, сосуд-трипод был отнесен к культурным элементам кубано-терской культуры (КТК), так же как и все сосуды из погребения №1 кургана №6, в том числе – и трипод. Давая описание данному типу, было отмечено, что он был обнаружен в древнейших комплексах КТК периода ранней бронзы (РБ) II в – типы XII и XII-«а» и куро-аракской культуры (ККА) – РБ III XII b [4, с. 25, 44, 60]. Исходя из этого контекста, подобное деление следует относить не к культурной составляющей, а к предлагаемой авторами периодизации.

В работе 1989 г. керамика из 1/15 уже признается в большей мере КТК. Погребения на ножках Н.А. Николаева относят к раннему бронзовому веку (РБ) III – параллельно с памятниками Сачхере. Сосуды на ножках встречаются и в «чистых» погребениях КТК, и в смешанных ККА/КТК – это I и II этапы КТК, датируемые по ее схеме РБ IIъ-РБ III/СБІ. По ее мнению, говорить о чисто куро-аракской или алазано-беденской атрибуции погребений с сосудами на ножках пока преждевременно. Синхронизация 1 этапа КТК с частью куро-аракских комплексов у нее не вызывает сомнений. Сосуды на ножках она выделила в массовый керамический тип, обозначив его как «хронологически значимый тип», т.к. такие сосуды присутствуют в довольно ограниченный промежуток времени. Но в т.н. «ядро» КТК сосуды на ножках включены не были. Этот тип «живет» на 2 этапах КТК. Вначале он выделен только в пределах РБ IIъ-РБ III., затем – расширен до интервала РБ IIъ-РБ III/СБІ, т.е. – «докуро-аракский и посткуро-аракский период». К периоду 1 КТК отнесены: Дзуарикау 1/19,6/1,7/4. К периоду – 1 1/15,2/2 –КТК/КАК. Погребения с сосудами на ножках Н.А. Николаева относят к раннебронзовому веку – его позднему этапу. Это посткуро-аракские погребения, хотя сосуды на ножках в с. Дзуарикау зафиксированы и в чисто кубано-терских памятниках, предшествующих чисто куро-аракским. Вероятно, данный пассаж следует относить к хронологическим построениям исключительно для с. Дзуарикау, т.к. в других могильниках РСО-Алания таких сосудов найдено не было. В этой работе вопрос о куро-аракской или алазано-беденской атрибуции сосудов на ножках предлагается пока оставить открытым. Давая оценку заключению Р.М. Мунчаева о происхождении этих сосудов, Н.А. Николаева посчитала, что дискуссия о культурной принадлежности сосудов на ножках надумана [9, с. 11, 27, 29, 30, 40, 43, 57, 66]. Представляется, что в контексте задач, которые поставил для себя данный автор, для материалов Дзуарикау такой подход вполне объясним. Для построения типологической схемы керамики, как и выделения хронологических горизонтов (периодов), вопросы происхождения незначительной по объему материала группы керамики особого значения не имеют. Но вот для решения проблемы происхождения новой культу-

ры эти сведения представляют гораздо больший интерес. Однако за увлечением построения типологических схем и отстаиванием собственных разработок в контексте их датирования данная проблема осталась для Н.А. Николаевой вопросом второстепенным. Основной целью изучения керамики Дзуарикау для Н.А. Николаевой являлось создание типологии. В ее основу положено соотношение размеров различных частей сосуда, а также наличие (или отсутствие) некоторых из элементов (количество ручек). Вопросы технологии производства сосудов на ножках практически не изучались, приводятся лишь краткие сведения о цвете, данных об орнаменте нет вообще. Из опубликованных данных для нашей цели подходит немного. Так, в монографии 2011 г., давая общую характеристику керамике СКК (КТК) культуры (группировка II), тип XII, соответствующий сосудам на ножках, отнесен в состав ее ранних комплексов. При этом автором уже выделяется 4 культурные группы (в работе 1989 г. их было 3 – С.Б): майкопская, куро-аракская (КАРК), кубано-терская (КТК) и промежуточная, объединяющая КАРК и КТК, что является новым элементом в ее построениях. Тип XII вначале отнесен к числу массовых [10, с.48], однако далее, в этой же работе, он же указан и среди индивидуальных типов [10, с.53]. При этом отмечено, что общая форма тулова сосуда, число ручек, орнамент могут варьировать и соответствовать нескольким типам. Например, если не учитывать наличие ножек, экземпляры этого типа в Дзуарикау 7/4 и 2/2 – это тип XIII (одноручные сосуды), кружки на ножках, а сосуд в Дзуарикау 1/15 относится к типу XI, представленному сосудами с 2 ручками на середине тулова. Два сосуда из Дзуарикау 1/19 и 6/1 (тип XII) подобны, но разных размеров, и, в свою очередь, отличаются от вышеназванных отсутствием ручек. По форме им близки сосуды из 2/2 и 1/19, но первый имеет 1 ручку, как и сосуд 7/4, а у сосуда 1/19 нет ручек. Число ручек или их полное отсутствие не влияет на хронологическую позицию сосуда. Всего Н.А. Николаевой для сосудов на ножках выделяется 4 подтипа, но такое дробление, по ее признанию, ничего не дает, т.к. хронологически они существуют ограниченное время, служа надежным хронологическим репером в синхронизации ранних погребений КТК. По ее мнению, сосуды на ножках указывают на взаимодействие как куро-аракской, так и кубано-терской керамической традиции. Однако развернутой характеристики – в чем именно это проявилось, дано не было. В то же время Н.А. Николаева отметила, что такая уникальная деталь, как «ножки», может пролить свет на происхождение данной формы, а следовательно, указать направление связей КТК и ее генезис. Ближайшие аналогии этим сосудам она находит в комплексах типа «Сачхере» и в погребениях культуры шнуровой керамики Прикарпатья, поэтому, по ее мнению, преждевременно вести

происхождение этих сосудов из Закавказья, как это делает Р.М. Мунчаев и солидарные с ним авторы [10, с. 47, 48, 53, прил. 3, рис. 26]. Однако ссылок на конкретные материалы ни в одном, ни во втором случае этот автор не привел. К тому же сачхерские материалы представляют как раз находки с территории Южного Кавказа. Кого следует понимать под «солидарными авторами», также неясно. На эту тему, кроме Р.М. Мунчаева, ко времени публикации монографии кратко высказывался лишь В.Л. Ростунов. Население, оставившее захоронения с триподами, им было охарактеризовано как «пост- майкопское», что указывает на хронологическую позицию, но не на культурную принадлежность. Для погребения 1/15 исследователем было отмечено два разнокультурных компонента: местная керамика со шнуровым орнаментом, сачхерские металлические изделия и сосуд сачхерского типа, в перечне местных изделий, для комплекса 2/2, наряду с каменным топором кабардино-пятигорского типа фигурирует и трипод. По его наблюдениям, такие сосуды на Ближнем Востоке появляются не ранее XXXIII–XXII вв. до н.э. Дата появления этой традиции на Северном Кавказе – конец XXIII–XXII вв. до н.э. С какими именно находками следует ее связывать, В.Л. Ростунов не уточнил. Исследователь считал, что вопрос о культурной принадлежности погребений группы с триподами нуждается в серьезном специальном изучении. В качестве аналогий подобной форме вне Северного Кавказа им приведены сосуды из Трои I – III, Эль-Хамман (Сирия), Тель Ахмар-Тиль Барсиб. Из Закавказья – единственная близкая аналогия с поселения «Амиранис-гора», горизонт III «С», из строения №XXII, чаша на ножках из Бедени больше напоминает курильницы [11, с. 63-67, с. 133, с. 160, рис. 25].

Погребения с сосудами на ножках, в т.ч. из Дзуарикау, Р.М. Мунчаев исследовал в работе 1986 г. Оставляя пока в стороне его выводы относительно обряда погребения, вопросы культурной атрибуции и хронологии, обратимся к анализу керамики. По его мнению, обе коллекции данных сосудов прямо сопоставляются друг с другом по цвету и форме, наличию одинаковых ручек. Вероятно, они близки и по технологическим особенностям. Сосуды из с. Дзуарикау несколько разнообразнее, не отличаясь тем единством, как в Бамуте. Среди них есть образцы (большие сосуды и горшки на ножках) аналогичные керамике Бамута, так и сосуды, находящиеся параллели в материалах северокавказской культуры (СКК). На сосудах из Дзуарикау нет совершенно того разнообразного рельефного орнамента, которым украшены сосуды из Бамута. Горшки на ножках совпадают по форме в обоих могильниках. Но если среди подобных из бассейна р. Фортанга имеется только 1 сосуд на 3 ножках, то в Дзуарикау все на 3 ножках. Все горшки на ножках из Бамута украшены (причем на всех различ-

ный орнамент), среди подобных находок из Дзуарикау только 1 горшок имеет орнамент, и он по мотиву и способу выполнения точно такой же, как и на горшке из кургана №3 1958 г. Бамута. Сосуды на ножках отсутствуют в куро-араксских древностях, но там есть отдельные черты такой керамики, особенно – орнамент. По мнению Р.М. Мунчаева, аналогии сосудам на ножках присутствуют среди материалов алазано-беденской культуры. Но ссылок на конкретные материалы исследователь не привел. Единственный памятник в Закавказье, откуда происходит подобный горшок, – Амиранис-гора. Здесь в помещении XXIII был найден чернолощенный горшок-трипод с ручкой и 3 сосцевидными выступами. По тулову он украшен геометрическим орнаментом [16, с. 63, рис. 21, 3, с. 156]. Дополним, что данный образец орнамента из строительного горизонта III был процарапан по поверхности сосуда, чего нет ни на одном из сосудов на ножках из Бамута и Дзуарикау. По наблюдениям Р.М. Мунчаева, Н.А. Николаева и В.А. Сафронов приводят этот рисунок с искаженным изображением орнамента: вместо ряда заштрихованных треугольников дана зигзагообразная линия [3, с. 36, 37].

Да, действительно, коллекция сосудов на ножках из Дзуарикау выглядит разнообразнее. При этом они лишены не только рельефного орнамента (за исключением экземпляра из насыпи кургана №1), но и вообще любых орнаментальных композиций, как врезанных, так и наклепных. К числу особенностей можно отнести не только число ножек, но и характер их исполнения: практически во всех случаях они довольно резко разведены в стороны, что, вероятно, связано с необходимостью обеспечения устойчивости. У сосудов из Чечни такой необходимости не было, т. к. у них не три, а четыре ножки. Что касается формы, то экземпляр из 2/2 действительно напоминает кружки на ножках, но отнюдь не горшки. Образцы, лишенные ручек, имеют довольно узкую горловину, а также прямое профилирование венчиков, что резко отличает их от экземпляров из Чечни. Иное и место ручек на корпусе сосудов: они расположены ближе к верху плечика и горловине, что более всего соответствует уже иным технологическим стандартам, свойственным керамике эпохи средней бронзы. Кроме того, у этих двух групп керамики существуют и другие важные отличия. Так, сосуды на ножках из Дзуарикау по цвету поверхностей и излома разные: коричневый, серо-желтый, серо-коричневый, коричневый, черно-коричневый, излом во всех случаях – черный. У бамутской серии поверхности стандартного серого цвета, с серо-коричневыми пятнами, излом как минимум двуцветный (темно-серая прослойка). У них отличается и обработка внешней поверхности: она затертая, хорошо заглаженная, местами – до блеска, отмечено лощение. Все сосуды изготовлены из

хорошо отмученной серой глины, как и остальные сосуды из погребений с сосудами на ножках из Бамута. Это свидетельствует об общих технологических приемах в их изготовлении, тогда как образцы из Дзуарикау такими характеристиками не обладают. Создается впечатление, что при общей «концептуальности» – присутствии ножек, они изготавливались в иных технологиях. Сопровождающие триподы сосуды больших размеров заметно отличаются от тех, которые сопровождали сосуды на ножках в Чечне. И встречены они лишь в 2 погребениях: 1/15 и 2/2. В первом случае тулово отличается заметная асимметрия, ручки размещены на разной высоте. Во втором – тулово более округло, но также выполнено неровно, дно более широкое, горловина высокая, усечено-конической формы [4, с. 26, рис. 4,7; с. 33, рис. 7, III, 9]. В то же время образцы из Бамута отличаются однотипность формы тулова, узкое дно, короткая горловина, резко отвернутый наружу венчик, заметно расширенная средняя часть тулова, наличие налепного орнамента различных конфигураций, в том числе – сощевидных налепов, чего полностью лишены сосуды из Дзуарикау. Кроме того, следует обратить внимание и на форму донцев: у триподов из Дзуарикау они вытянуты в горизонтальной плоскости, их отличает определенная асимметрия. У сосудов на ножках из бассейна р. Фортанга донные части похожи на те, что присутствуют у крупных сосудов: они заovalены и более узкие, сосуды симметричные. У них похожи и типы орнамента, хотя композиции разные. И еще одна деталь: в комплексах с сосудами на ножках из Дзуарикау присутствует керамика иной культурной традиции – эпохи развитой бронзы, со шнуровой орнаментацией, а также каменный топор т.н. «кабардино-пятигорского» типа. Сосуды на ножках из Дзуарикау выглядят глубоко интегрированными в новую культурную номенклатуру, формирование которой происходило здесь на рубеже двух эпох. В этой связи включение В.Л. Ростуновым, В.А. Сафроновым и Н.А. Николаевой триподов из этого памятника в перечень «местных форм», на наш взгляд, вполне уместно.

Заключение

Подведем итоги наших наблюдений. Керамика из погребений в Чечне смотрится компактной серией, изготовленной по одной технологии, которая отличается как от куро-аракской, так и от майкопской. Вместе с тем ряд деталей формы, а также тип и характер нанесения орнамента, обмазка внешней стороны части сосудов из насыпи кургана №3 (1965 г.) жидкой глиной, а также набор аналогий, связанный с Западной и Малой Азией, дает веские основания считать, что в значительной степени ее происхождение связано именно с южно-кавказской традицией. В то же время,

следует отметить, что технологические приемы, в том числе – в изготовлении формовочной массы, ориентируют на более близкое соседство с памятниками Дагестана. Вполне вероятно, что всё это – признаки «вызревания» новых технологических традиций, которые становятся свойственны Восточному Предкавказью на финальной стадии раннего бронзового века и будут иметь продолжение на начальном этапе средней бронзы. Не случайно, что некоторые приемы в изготовлении керамики, характерные для этой культурной группы, были зафиксированы материалами из курганных погребений среднего течения рек Терека и Сунжи последующего периода, в которых роль сосудов на ножках уже играли курительницы ранних форм [17, с. 74, рис. 13; 6, с. 75, рис. 14,1]. На наш взгляд, находки нижних частей от двух сосудов на ножках среди керамического боя из насыпи кургана №3 у с. Бамут (1965 г.) гипотетически могут рассматриваться как соответствие этим культовым сосудам. Интересно, что в погребении №11 Харсенойского могильника была найдена чаша конической формы на 4 ножках. Памятник функционировал именно в этот период, ряд керамических форм из него имеет прямые аналогии в изучаемых нами культурных группах [18, с. 38, рис. 6,6, с. 39].

Что касается погребений «группы с триподами» из РСО-Алания, то их появление в курганах с. Дзуарикау может рассматриваться как перемещение на эту территорию части выходцев из округа сел. Бамут, Ачхой-Мартан и Новые Аршты. Это может быть проиллюстрировано находкой «трипода» в насыпи кургана №1, который имеет много общего с образцами из бассейна р. Фортанга. Вероятно, это было разовое событие, произошедшее в короткий промежуток времени, что подтверждается импортами из Сачхере, присутствующими в одновременно устроенных курганных захоронениях (с. Ачхой-Мартан, г. Грозный, сел. Бамут, Новые Аршты, Дзуарикау). Дальнейшее развитие этих культурных традиций происходило уже в тесном взаимодействии с населением, которому были свойственны иные приемы в изготовлении керамики, связанные со шнуровым орнаментом. Вместе с тем и здесь заметную роль в формировании этой культуры на ее начальном этапе сыграли группы позднего куро-аракса, в ряде случаев – пост- куро-аракского населения, что задокументировано и материалами из Дзуарикау.

1. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 100. М.: АН СССР, 1961. 167 с.

2. *Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северо-Кавказская экспедиция // Археологические открытия 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 65–68.
3. *Мунчаев Р.М.* Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986. С. 27–39.
4. *Николаева Н.А., Сафронов В.А.* Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе: СОГУ, 1980. С. 18–80.
5. *Мунчаев Р.М.* Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии (Из результатов работ Северокавказской экспедиции 1958 года) // Краткие сообщения института археологии. 1961. № 84. С. 56–62.
6. *Мунчаев Р.М., Сарияниди В.И.* Бамутские курганы эпохи бронзы // Краткие сообщения института археологии. 1964. №98. С. 90–99.
7. *Мунчаев Р.М.* Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Т.I. / отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: ЧИНИИЯЛ, 1966. С. 9–28.
8. *Мунчаев Р.М.* Раскопки Бамутских курганов в 1965 году // Археолого-этнографический сборник. Т.II / отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: ЧИНИИЯЛ, 1968. С. 131–152.
9. *Николаева Н.А.* Северная Осетия в ранне-средне-бронзовом веке (Модель выделения археологической культуры) // Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока (исторические источники) / отв. ред. Г.А. Кошеленко, С.А. Узянов. М.: Наука, 1989. С. 3–74.
10. *Николаева Н.А.* Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III-II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: МГОУ, 2011. 536 с.
11. *Ростунов В.Л.* Эпоха энеолита и бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Сборник научных трудов. Ч.I. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007. С. 11–177.
12. *Бурков С.Б.* Погребения с серо-глиняной керамикой из Бамута (Чечня) в отчетных материалах Северо-Кавказской археологической экспедиции // Сборник материалов LXXIX Международной научно-практической конференции «История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты» (Новосибирск, 1 апреля 2024 г.). Новосибирск: ООО «СибАК», 2024. №4(61). С. 4–13.
13. *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Археологические памятники близ сел. Карабудахкент (Дагестанская ССР) // Материалы и исследования по археологии СССР. Древние племена и народности Кавказа. Вып. 68 / отв. ред.: Б.Б. Пиотровский. М.-Л., 1958. С.147–175.

14. Джапаридзе О.М. Археологические раскопки в Триалети в 1957-1958 гг. Тбилиси: ТГУ, 1960. 51 с.
15. Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. Эпоха энеолита и ранней бронзы. М.: Наука, 1991. 264 с.
16. Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа (V-III тыс. до н.э.). Л.: Наука, 1970. 191 с.
17. Бурков С.Б. Погребения эпохи бронзы из кургана №22 могильника «Ассиновские курганы». Публикация материала // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2023. №3. С. 67–84.
18. Марковин В.И. Могильник эпохи бронзы у селения Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир: АКМ; М.: ИА АН РАН, 1995. С. 28–47.

CERAMICS OF THE CULTURAL GROUPS WITH LEGGED VESSELS FROM CHECHNYA AND REPUBLIC NORTH OSSETIA-ALANIA. GENERAL AND SPECIAL.

Burkov, Sergey B. – senior researcher, archaeology department, Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0001-7324-3618>; sergeyburkov59@yandex.ru.

Keywords: *Bronze Age, mound, burial, tripod, vessels on legs, ornament.*

In 1958-1966, burials with gray-clay ceramics and four-legged vessels were found in the Fortanga river basin and near the village of Bamut in Chechnya. In 1976, similar ceramics, but with 3 legs, were discovered in mounds near the village of Dzuarikau. They were accompanied by other finds that have analogies in the so-called «Sachkhera» antiquities, as well as other artefacts related to the 'survivals' of the late «Maykop» and the North Caucasian cultural and historical community. Subsequently, in 1988-1990, the author's excavations in the vicinity of Achkhoy-Martan and Bamut villages discovered new burials with ceramics of the same series, but without legged vessels. They contained fragments of late-Mycenean amphorae of the «Dolinsky» type, ornaments of the «Sachkhera» type and incense burners of early forms. Until recently, all these materials were used mainly to construct typological schemes and establish a stratigraphic position for the mound materials of the transition period from the Early to the Middle Bronze of the Eastern Caucasus. However, no detailed analysis of the two ceramic series was carried out, which did not allow us to substantiate the range of possible analogies among the synchronous antiquities of the region, as well as to approach the solution of the problem of their ethnocultural origin. After analysing in detail both the published data and the materials of the field reports, it was possible to establish that, despite all the external similarities, both groups of ceramics differ noticeably from each other. This may indicate both the different cultural traditions underlying their manufacture, and indicate the initial zone of formation of this unusual shape of vessels. The studies have established that gray-clay ceramics

from Chechnya were largely formed on the basis of the traditions peculiar to the monuments of the final stage of the Early Bronze Age of Dagestan. Complexes from Republic North Ossetia-Alania containing «tripods» were formed with minor participation of the late Kuro-Arak ceramic traditions, and more noticeably – under influence of cultural groups with ceramics with a corded ornament of the initial stage of the Middle Bronze Age.

For citation: Burkov, S.B. *Ceramics of the Cultural Groups with Legged Vessels from Chechnya and Republic North Ossetia-Alania. General and Special.* KAVKAZ-FORUM. 2024, iss. 18(25). pp. 48-65. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.003

REFERENCES

1. Munchaev, R.M. *Drevneishaya kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, Vyp.100* [The oldest culture of the North-Eastern Caucasus. Materials and research on the archaeology of the USSR. Issue 100]. Moscow, Academy of Sciences of USSR, 1961. 167 p.
2. Vinogradov, V.B., Kozenkova, V.I., Krupnov, E.I., Markovin, V.I., Munchaev, R.M. *Severo-Kavkazskaya ekspeditsiya* [North-Caucasian Expedition]. *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological discoveries], Moscow, Nauka, 1967, pp. 65-68.
3. Munchaev, R.M. *Pogrebal'nye komplekсы s sosudami na nozhkakh iz Bamutskikh kurganov epokhi bronzy* [Funerary complexes with legged vessels from the Bamut burial mounds of the Bronze Age]. *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza* [New in the archeology of the North Caucasus]. Moscow, Nauka, 1986, pp. 27–39.
4. Nikolaeva, N.A., Safronov, V.A. *Kurgannyi mogil'nik epokhi bronzy u s. Dzuarikau* [Kurgan burial ground of the Bronze Age near Dzuarikau village]. *Problemy arkheologii Severnoi Osetii* [Problems of archaeology of North Ossetia]. Ordzhonikidze, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 1980, pp. 18–80.
5. Munchaev, R.M. *Novye dannye po arkheologii Checheno-Ingushetii (Iz rezul'tatov rabot Severokavkazskoi ekspeditsii 1958 goda)* [North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. (From the results of the North-Caucasian Expedition)]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief sketches of the Institute of Archeology]. 1961, iss. 84, pp. 56–62.
6. Munchaev, R.M., Sarianidi, V.I. *Bamutskie kurgany epokhi bronzy* [Bamut burial mounds of the Bronze Age]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Short sketches of the Institute of Archaeology]. 1964, iss. 98, pp. 90–99.
7. Munchaev, R.M. *Iz istorii rannebronzovogo veka v Checheno-Ingushetii* [From the history of the Early Bronze Age in Chechen-Ingushetia]. *Arkheologo-etnograficheskii sbornik* [Archaeological and ethnographic collection]. Grozny,

Chechen-Ingush Scientific and Research Institute of History, Language and Literature, 1966, pp. 9–28.

8. Munchaev, R.M. *Raskopki Batumskih kurganov v 1965 godu* [Excavations of the Bamut mounds in 1965]. *Arheologo-jetnograficheskij sbornik* [Archaeological and ethnographic collection]. Grozny, Chechen-Ingush Scientific and Research Institute of History, Language and Literature, 1968, vol. II, pp. 131-152.

9. Nikolaeva, N.A. *Severnaya Osetiya v ranne-sredne-bronzovom veke (Model' vydeleniya arkheologicheskoi kul'tury)* [North Ossetia in the Early-Middle Bronze Age (A model for the allocation of archaeological culture)]. *Uchenye zapiski komissii po izucheniyu pamyatnikov tsivilizatsii drevnego i srednevekovogo Vostoka (istoricheskie istochniki)* [Scientific notes of the Commission for the study of monuments of civilizations of the ancient and medieval East (historical sources)]. Moscow, Nauka, 1989, pp. 3–74.

10. Nikolaeva, N.A. *Etnokul'turnye protsessy na Severnom Kavkaze v III-II tys. do n.e. v kontekste drevnei istorii Evropy i Blizhnego Vostoka* [Ethnocultural processes in the North Caucasus in the III-II thousand BC in the context of the ancient history of Europe and the Middle East]. Moscow, Moscow State Regional University, 2011. 536 p.

11. Rostunov, V.L. *Jepoha jeneolita i bronzy na territorii Severnoj Osetii* [The epoch of the Chalcolithic and bronze on the territory of North Ossetia]. *Arheologija Severnoj Osetii* [Archaeology of North Ossetia]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies, 2007, p. I, pp. 11–177.

12. Burkov, S.B. *Pogrebeniya s sero-glinyanoi keramikoi iz Bamuta (Chechnya) v otchetnykh materialakh Severo-Kavkazskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [Burials with gray-clay ceramics from Bamut (Chechnya) in the reporting materials of the North Caucasus archaeological expedition]. *Sbornik materialov LXXIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Istoriya, politologiya, sotsiologiya, filosofiya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty» (Novosibirsk, 1 aprelya 2024 g.)* [Collection of materials of the LXXIX International scientific and practical conference "History, political science, sociology, philosophy: theoretical and practical aspects"]. Novosibirsk, OOO «SibAK», 2024, no. 4(61), pp. 4–13.

13. Munchaev, R.M., Smirnov, K.F. *Arkheologicheskie pamyatniki bliz sel. Karabudakhkent (Dag.SSR)* [Archaeological sites near villages. Karabudakhkent (Dagestan SSR)]. Piotrovskii B.B. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. Drevnie plemena i narodnosti Kavkaza* [Materials and research on the archaeology of the USSR. Ancient tribes and nationalities of the Caucasus]. Moscow–Leningrad, 1958, iss. 68, pp. 147–175.

14. Dzhaparidze, O.M. *Arkheologicheskie raskopki v Trialeti v 1957-1958 gg.* [Archaeological excavations in Trialeti in 1957-1958]. Tbilisi, Tbilisi State University, 1960. 51 p.

15. Gadzhiev, M.G. *Rannezemledel'cheskaja kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza. Jepochajeneolita i rannej bronzy* [Early agricultural culture of the North-East Caucasus. Chalcolithic and Early Bronze Age]. Moscow, Nauka, 1991. 264 p.

16. Kushnareva, K.Kh., Chubinshvili, T.N. *Drevnie kul'tury Juzhnogo Kavkaza (V-III tys. do n.e.)* [Ancient cultures of the South Caucasus (V-III thousand BC)] Leningrad, Nauka, 1970. 191 p.

17. Burkov, S.B. *Pogrebeniya epokhi bronzy iz kurgana № 22 mogil'nika «Assinovskie kurgany». Publikatsiya materiala* [Bronze Age burials from burial mound No. 22 of the Assinovsky Burial Mounds. Publication of the material]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]. 2023, no. 3, pp. 67–84.

18. Markovin, V.I. *Mogil'nik jepochi bronzy u selenija Malyj Harsenoy v Chechne* [Burial ground of the Bronze Age near the village of Maly Kharsenoy in Chechnya]. *Istoriko-arheologicheskij al'manah* [Historical and Archaeological Almanac]. Armavir, the Armavir Museum of Local History, Moscow, Institute of Archeology of Russian Academy of Sciences, 1995, iss. 1, pp. 28–47.